

Гастроли Московского государственного

академического театра имени Евгения Вахтангова

В Алма-Ате с большим успехом проходят гастроли Московского академического театра имени Евг. Вахтангова. Алмаатинцы и гости столицы уже посмотрели несколько спектаклей из репертуара прославленного драматического коллектива страны. Среди них — «День-деньской» А. Вейцлера и А. Мишарина, «Принцесса Турандот» К. Гоцци, «Великая магия» Эдуардо де Филиппо, «Тринадцатый председатель» А. Абдуллина, другие постановки, в которых заняты ведущие актеры театра, его молодое пополнение.

Сегодня в гостях у «Вечерней Алма-Аты» народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий Михаил Александрович УЛЬЯНОВ.

Михаил УЛЬЯНОВ:

НЕТ НИЧЕГО ИНТЕРЕСНЕЕ ЧЕЛОВЕКА

— Мы рады возможности приехать в Алма-Ату, столицу четырех орденоносного Казахстана, труженики которого живут сегодня большими государственными заботами о хлебе, земле. Мы безмерно горды тем, что присутствуем в Казахстане в дату, весьма памятную для всех нас: миллиард пудов зерна, засыпанный казахстанцами в закрома Родины, — высшая характеристика труда тысяч и тысяч земледельцев, хлеборобов. Их горячим сердцам, не знающим покоя рукам мы посвящаем в год 60-летия Казахской ССР и Компартии Казахстана свои гастроли. Считаю для себя данное преддверие к разговору обязательным и необходимым.

— Михаил Александрович, вас не надо представлять зрителям: ваше творчество — тому объяснение. Но, если можно, несколько слов о себе, о пути в искусство.

— Родился я в Западной Сибири в небольшом деревенском городке Тара. В то далекое прекрасное мальчишеское время у меня не было ни определенной мечты, ни точно выраженных желаний. Правда, в школе я был занят в литературных вечерах: играл губернатора в «Русских женщинах» Некрасова, изображал Варлаама в «Борисе Годунове», но что не участвовал в эти годы в подобных литературных празднествах. Счастливого, безмятежного детства! Запах сцены меня впервые пленил в спектакле «Цыганы», где я сыграл роль Цыгана у костра. Это было в Тарской театральной студии, которой руководил человек редкого режиссерского дара — Евгений Павлович Просветов. Он-то и «отразил» меня «театральным ядом», как, впрочем, и посоветовал учиться дальше. Я поступил в театральную студию при Омском областном драматическом театре, в группу Михаила Михайловича Илловайского. Чтобы заработать на жизнь, работал утренняя диктором на Омском радио. Но уже после окончания второго курса, несмотря на неудачные попытки

товарищей по студии, все-таки поехал в Москву и сдал документы в театральное училище имени Щепкина. В это училище меня не приняли, но я успел, опять же по воле случая, «попробовать» свои силы в трех турах вступительных экзаменов в училище имени Щукина при Государственном театре имени Евгения Вахтангова. В это театральное учебное заведение я и был зачислен. Ровно 30 лет тому назад, после его окончания, меня и еще трех выпускников руководство театра имени Евгения Вахтангова, к моей великой радости, пригласило к себе на работу.

— За эти годы вами сыграны десятки ролей, и первые из них — Костя Белоус в спектакле «Город на заре», Яков Лаптев — «Егор Булычов и другие», Сергей — «Иркутская история», Бригелла — «Принцесса Турандот», Нандив Гулевой — «Конармия» и другие. Отдельного внимания заслуживает роль Ленина в спектакле «Человек с ружьем» Николая Погодина. Что же касается недавних работ, наверное, следует обратиться к постановке, которой открылись гастроли во Дворце имени Ленина.

— Вы имеете в виду «День-деньской»? Да, я занят в этом спектакле, играю в нем роль директора завода Игоря Петровича Друянова.

Чем, Михаил Александрович, характер Друянова отличается от подобных же в серии известных драматургических образов так называемой производственной тематики? И не напоминает ли Друянов Чешкова из известной пьесы Дворецкого «Человек со стороны»!

— Вообще-то говоря, пьесе «День-деньской» я не отношу к категории лучших производственных пьес последних лет. Увы, наши драматурги зачастую «снимают» сюжет пьесы с сюжета жизни, «фотографируя» его, слепо копируя. И тогда авторская идея уже проходит не через характеры людей, а скорее через какие-то человеческие символы. Надуманные,

сконструированные по схеме вообще. А ведь известно, что природа конфликта современной драмы заключается в жизненно важных, реально существующих проблемах сегодняшнего дня. С конфликтом в драме связан широкий круг идейно-эстетических вопросов, отражающих общественную значимость того или иного художественного произведения. Никогда, на мой взгляд, драматургам не надо забывать одного: точкой пересечения любого производственного сюжета должен стать внутренний мир человека. Его мысли, чувства, стремления. Очень привлекательной в этом плане, глубокой по разработке характеров мне кажется пьеса Александра Гельмана «Мы, нижеподписавшиеся». Чего только стоит в ней образ Ленки Шиндина! Исходя из вышеизложенного, меня не все устраивает в драматургии «День-деньской», мало чем отличающегося от других производственных пьес. Но характер моего героя (внешне угрюмого, брюзжащего человека) — целустремленный, волевой, сильный. И, несмотря на различие житейского, производственного, административного опыта, как, впрочем, и возраста, с Чешковым Друянова единит главное — высокая личная ответственность за порученное дело, убежденность в правоте своих идей, целеустремленность.

— Вы часто говорите в своих статьях о болевой сопричастности актера к жизни, без которой театр в общем-то не состоится. Но если ваши герои [Степан Разин, Ричард Глостер] далеки от нынешнего времени, как удастся осовременить эти образы?

— Каждая роль является частью общечеловеческого, а значит, и актерского «я». Прожить на сцене жизнь своих героев нелегко, но еще труднее понять ее сегодняшними чувствами и настроениями. Для меня, например, Степан Разин — фигура не столько сказочно-легендарная, как ее считают многие, сколько сурово — реалистиче-

ская, вписанная в свою эпоху. Разин — последний сын вольности того далекого времени, которое по-своему рассудил Шукшин. Конечно, нет резона не соглашаться с пушкинской мыслью о том, что Разин — «самая поэтичная фигура в нашей истории». Но и трагичная, добавил бы я, как, впрочем, во многом исторически обреченная (иначе чем можно объяснить трагедию восстания). Так вот, как режиссер и актер я пытался, основываясь на шукшинском прочтении давних событий, дать свою, образную версию о великой, большой для нас сегодня теме. При этом эта версия должна идти в унисон современным раздумьям о жизни, ее проблемах. Что же касается трактовки образа Ричарда, то она направлена против разобщенности мира, пагубной бездуховности, мешанского эгоцентризма, гражданской пассивности, открывающих путь к власти современным узурпаторам фашистского толка. Ричард — феномен зла, а зло все века, включая наш, ведет к разнузданной вседозволенности, преступлениям, трагическим для мира последствиям. И если «Ричард III» Шекспира в сценической интерпретации вахтанговцев прозвучал именно так — мы своего добились.

— К Василию Шукшину, его творчеству как режиссеру и актеру вы больше не возвращались?

— Пробовал ставить повесть-сказку «До третьих петухов», но это оказалось делом нелегким. Должен сказать, что, несмотря на видимую простоту прозы Шукшина, «работать» с ней чрезвычайно трудно. Как же, спросите вы, приблизиться к шукшинскому самобытному дару? Истоки понимания его творчества кроются, на мой взгляд, в отношении к неповторимо емкой, многогранной личности Василия Макаровича. Именно через нее нужно искать ключ к его же творчеству. Сейчас готовлю новую чтецкую программу по рассказам горячо чтимого мною Василия Макаровича Шукшина.

— Михаил Александрович, несколько слов о работе в кино. Вами создана на экране блестящая серия классических, современных образов. Это — Бахирев в фильме «Битва в пути», Егор Трубников в «Председателе», Дмитрий Карамазов в «Братьях Карамазовых», генерал Чернота в «Беге», маршал Советского Союза Жуков в «Освобождении» и другие. Но особенно памятен зрителям образ Егора Трубникова в фильме «Председатель». Его появление на экране — случайность или веление времени!

— Я думаю, второе, ибо фильмы пятидесятих годов («Кубанские казаки», «Кавалер Золотой Звезды») с их подслащенностью, красотой, нарочитой мажорностью стали надоедать зрителю. И вот на смену почти сказочным положительным персонажам пришел на экран в середине шестидесятых годов ясный, бескомпромиссный, подчас даже жестокий (во имя главного) образ Трубникова. Какую неизбывную силу я чувствовал в своем Егоре, какую правоту взглядов, стойкость нравов! К душе Егора Трубникова я пробыл долго, ибо чувствовал большую партийную ответственность за появление этого образа на экране.

— Над чем вы работаете сейчас, я имею в виду кино!

— Только что на студии «Ленфильм» закончили съемки нового художественного фильма «Побег», в котором играю роль руководителя духового оркестра. Фильм этот — о действенной доброте, о желании помочь человеку делом, а не словом, об истинно человеческих чувствах. Роль припала мне по душе за ее основное и главное: возможность еще раз сказать с экрана о том, что в жизни нет ничего интереснее человека. Его дел, забот, мечтаний.

Интервью взяла
В. МАРЧЕНКО,
корреспондент «Вечерней Алма-Аты».

НА СНИМКЕ: Михаил Ульянов.
Фото В. Каморского.